

Домашние

из цикла рассказов

228

Шур Шурыч

Шур Шурыч всегда всем недоволен:
– Дома им не сидится!.. – Вчера у Алёны были гости. – Вон сколько мусору нанесли!.. А я убирай!

Он ходит и подбирает по углам фантики, обломки печенья, пуговицы, резинки для волос, ленточки, непонятные бумажки и лоскутки, засохшие листики, клочки кошачьей шерсти, отставшие от ботинок сухие кусочки земли и много чего ещё, не говоря уже о пыли. Он залезает под стол и под тахту, возится на шкафу и за шкафом, роется под вешалкой, копошится между стеной и холодильником, карабкается на книжные полки.

– Да когда ж это кончится! – говорит он. – А ведь вчера всё блестело!

Вчера он говорил то же самое. И позавчера. И неделю назад.

Иногда он обнаруживает что-нибудь особенно возмутительное.

– Что это?! – восклицает он, потрясая трофеем. Хотя прекрасно видит, что это не кремовое пирожное и не птичка колибри, а шарик для пинг-понга. Но ему важно высказаться.

– Почему ЭТО на полу? – продолжает он. – ЭТОМУ место в коробке! ЭТИМ можно подавиться! ЭТО можно раздавить, и потом точно придётся выкинуть!

С ним никто не спорит, потому что Шур Шурыч всегда прав.

Жвачку он ненавидит. Он топчется вокруг неё битый час, пытаясь отодрать от стула или спинки кровати. Обычно сил у него не хватает, и Алёне приходится помогать.

– Ох, попадись мне тот, кто её выдумал! – пыхтит он.

Вряд ли Тот Кто Выдумал или хотя бы Тот Кто Прилепил ему попадутся. А интересно было бы посмотреть.

Однажды на кухне, в углу под буфетом, он поймал Мышь.

Мышь была тёплая и шевелилась, и Шур Шурыч растерялся. Он никак не мог определить, должен ли он иметь с ней дело.

Тут Мышь пискнула, и Шур Шурыч решил, что не должен. Тогда он смущённо кашлянул и отпустил ЭТО. И потом долго мучился сомнениями.

С пылесосами такое тоже бывает.

Мотя

Холодильник Мотя бегаёт за Юлькой по квартире и канючит:

– Я полный! Полный я!.. Ну возьми чего-нибудь! Съешь кусочек!

– Отвяжись! – отвечает Юлька. – Я сама полная! Восемь кило лишних! Весь класс на физкультуре смеётся!

Мотя переключается на Женьку:

– Жень! Ну хоть ты выручи! Варенья хочешь?

– Да-а, варенья! – говорит Женька. – Я вон позавчера съел баночку, пока никого не было, так потом живот болел!..

– А ты только ложечку!

– Знаем мы твою ложечку! В тот раз уговорил, а вышло до дна! Вон Томке предложи.

Томка с пустышкой во рту спит в колыске. Мотя на всякий случай загляды-

вает туда, а потом уныло бредёт на кухню.

Оживляется он только вечером, когда приходят взрослые.

– Марина Львовна, дорогая, – мурлычет он. – У меня, между прочим, на средней полке – ваши любимые шанежки. Домашние!.. А на нижней... Андрей Сергеич! На нижней – шашлык!.. А, генцвале?

Родители переглядываются и качают головой.

– У нас диета, – виновато говорят они. – И мы ещё минералки по пути дёрнули, червячка заморить.

– Червячка! Вы раньше меня уморите!.. – Мотя шлёпает к бабушке. – Варвара Петровна! На вас последняя надежда! Холодец в морозилке! Свежий!

Бабушка вздыхает:

– А печень?

– Есть печень! – радостно вздрагивает Мотя. – Жареная!

– Моя печень! – говорит бабушка. – Она этого не перенесёт!..

Мотя снова ковыляет на кухню и забивается в свой угол. «Ничего, ничего! Ночью поглядим, какая такая у вас диета. Небось до утра ко мне бегать будете!..».

Паша и Кеша

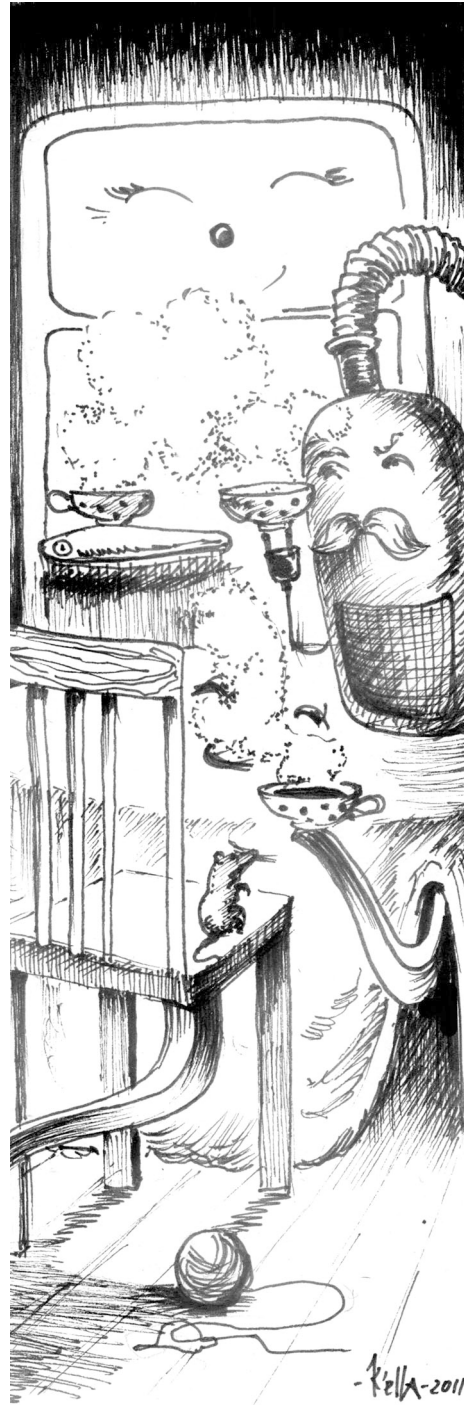
Паша и Кеша – это стол и стул. Они давно друг друга знают и очень дружат. Хотя и любят поспорить. Если к ним прислушаться, можно узнать немало новенького. Или во всяком случае того, о чём вы никогда не задумывались.

– А у тебя спинки нет! – говорит Кеша.

– Фу-ты ну-ты, ножки гнуты! – отвечает Паша. – Зато и – радикулита!

На Кешу никогда не стелют скатерть и не водружают огромного блюда с пирогом. А на Пашу стелют. А то, что на него водружают, можно перечислять до утра.

Когда на Кешу садятся – это в порядке вещей. А когда на Пашу – верх

невоспитанности. А ещё встречаются люди, которые сидят на Кеше, а на Пашу кладут ноги. Кеша в подобных случаях просто падает от возмущения.

Кеша стройнее. Ему идут костюмы и платья. Он отлично танцует. А иногда и скачет не хуже лошади. А Паша... Можете вы вообразить, чтобы стол

танцевал?.. Зато Паша крепче. Не зря стулья на столы время от времени ставят, а наоборот – никогда.

Особенно доволен собой Паша бывает сразу после праздников.

– Видал? – говорит он чуть устало. – Одних тарелок сорок четыре!..

– Видал, – говорит Кеша. – Зато меня Зинаида подставили.

Зинаида поёт в группе «Шестнадцать тонн». И чуть меньше весит.

– Да-а... – говорит Паша. – Ты как себя чувствуешь?..

Сам Паша уверен, что выдержал бы и штангу, и цирковых силачей с гири. Просто пока не случилось.

Кеша может складываться и раскладываться. Как зонтик или палатка. А Паша – складываться и раскладываться, а ещё – раздвигаться и сдвигаться. Как дверь в японском доме. Или как брови.

На Паше играют в игры. В шашки, нарды, пинг-понг и даже в настольный хоккей. А на Кеше – никогда.

В честь Паши названа целая комната – столовая. И большой город – столица. А в честь Кешы – ничего.

Зато у Кешы масса родни – скамейки, табуретки, кресла, лавки, пуфики, шезлонги и даже качели. А у Паши – школьные парты да бильярд. Столы вообще очень одиноки. Ну сколько столов может быть в комнате?.. А стульев со своими – сколько угодно.

На днях Паша с Кешей слегка поссорились. Они выясняли, кто из них в родстве с Рэмбо. Вы не уточните – он всё-таки Столлоне или Стуллоне?

Броня

– Вот возьму и не откроюсь! – говорит Броня.

Броня – это дверь. Ударяйте Броню правильно – на первый слог.

– Почему это ты не откроешься?

– Потому. Кто меня ногами пинал?

– Когда это? – возмущается Пашка.

– Вчера.

– Я не пинал. Я ботинки стряхивал.

– Ага!

– А что мне, мокрый песок домой заносить?

– Это твоё дело. Стряхивай на лестнице.

– Ты же всё равно из нержавейки!

– А это моё дело.

Пашка пытается повернуть в замке ключ. Ключ не слушается.

– Бронь, ты чего – серьёзно?

– А что у тебя с ключами?

– Что у меня с ключами?

– Это я спрашиваю, что? Ты чем вчера открывал?

– Ключом.

– Каким?

– Ну, от подвала. Перепутал.

– Ага! Ты путаешь, а я виновата.

– Ну извини.

– Бабуля потом полчаса с замком возилась.

– Я же сказал – извини. Слушай, мне вообще-то уроки делать надо!

– Надо же, вспомнил. Есть, что ли, хочешь?.. А живопись видел?

– Какую ещё живопись?

На стене напротив Брони нарисовано сердце со стрелой и написано: «Паша плюс Катя получится...».

Пашка краснеет:

– Это не я. Я сотру.

– Ещё бы ты тут упражнялся! А что за Катя?

– Из параллельного...

– Это рыженькая такая, на день рождения приходила?

– Ну.

– Симпатичная.

– Ну, – Пашка на глазах грустнеет. – Только она со Славиком ходит. Из «Б» класса.

– Да-а?.. – говорит Броня. – А фонарь под глазом у тебя случайно не из «Б» класса?

Улыбка у Пашки получается кривая.

– Ну, допустим... А что?

Наступает тишина. Затем ключ в замке поворачивается сам собой.

– Ладно уж. Заходи, горе моё.